

Ольга Колпакова

Большое сочинение про бабушку

Ольга Колпакова

Большое сочинение про бабушку

Пре-пресс бюро «Генри Пушель»

2016

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колпакова О. В.

Большое сочинение про бабушку / О. В. Колпакова — Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2016

ISBN 978-5-905672-32-3

Тёплая, лиричная и познавательная книга для семейного чтения о том, что связывает поколения, как переплетается прошлое с настоящим. Никаких пропастей между дедами, отцами и внуками нет. Все мы – звенья одной цепи. За произведение «Большое сочинение про бабушку» автор награждена премией педагогического признания «Добрая Лира», которая присуждается педагогами и школьниками Санкт-Петербурга. Повесть попала в длинный список премии «Ясная поляна».

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-905672-32-3

© Колпакова О. В., 2016
© Пре-пресс бюро «Генри
Пушель», 2016

Содержание

Про печку	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Большое сочинение про бабушку

Маленькая повесть

© О. В. Колпакова, текст, 2017

© С. В. Прокопенко, иллюстрации, 2017

© Генри Пушель, издание, 2017

* * *

Когда бабушка была маленькая, ничего не было. Я хожу по кухне и показываю пальцем на микроволновку:

– А это было?

– Нет, – отвечает бабушка.

На тостер.

– Нет.

На газовую плиту.

– Нет.

На миксер.

– Нет.

Я показываю на холодильник.

– Нет.

На люстру.

– Нет. Когда я была совсем маленькая, у нас была керосиновая лампа. Самое противное было её чистить. Хуже, чем чугунок мыть. А потом протянули провода и загорелась электрическая лампочка. Но люстр не было.

Мы переходим в комнату.

Компьютер.

– Нет.

Телевизор.

– Нет.

Шкаф-купе.

– Нет.

Кровать-то была?

– У меня – нет, – отвечает бабушка.

– Как же так? – не понимаю я. – Как же можно жить, когда у тебя ничего нет! Как я буду про тебя сочинение писать?

– А ты спиши у кого-нибудь, – советует бабушка, бывшая учительница русского языка и литературы.

Я отрицательно качаю головой. Я почти отличница, у кого мне списывать? Если только...

– Бабулечка! – радостно кричу я. – А ты ведь тоже сочинение писала, когда в школе училась. Школа-то у тебя была?

Бабушка соглашается. Школа-то была. И бабушка была отличницей, как я. Она первая из деревни закончила университет и вернулась в свою родную школу работать учительницей.

– Только тогда нам придётся ехать в деревню, забираться на чердак и там искать мои сочинения, – говорит бабушка, – если я их в макулатуру не сдала.

Ну да, компьютеров же раньше не было, всё хранилось на чердаке. Я не против поехать. Я люблю бабушкину деревню. Там две реки, и горы, и клубника растёт на горах, а в садах –

медовые яблоки, прозрачные, светятся, как звёзды. А звёзды там какие! Размером с крупные яблоки. В городе таких никогда не увидишь. Но бабушкина деревня далеко, в Алтайском крае, среди учебного года не поедешь.

– Нужно вспоминать, – строго говорю я. – Ты же не хочешь, чтобы я пару получила.

– Мне некогда, – отнекивается бабушка. – Я пироги собираюсь стряпать.

Бабушке всегда есть чем заняться. «Мужик умирать собирайся, а земельку паши» – терпеть не могу, когда она так говорит.

– А пироги-то на свете были, когда ты маленькая была? – спрашиваю я.

Пироги были. И мы вместе с бабушкой идём стряпать пироги по-бабушкиному. Иначе как я выпытаю, что мне писать в сочинении.

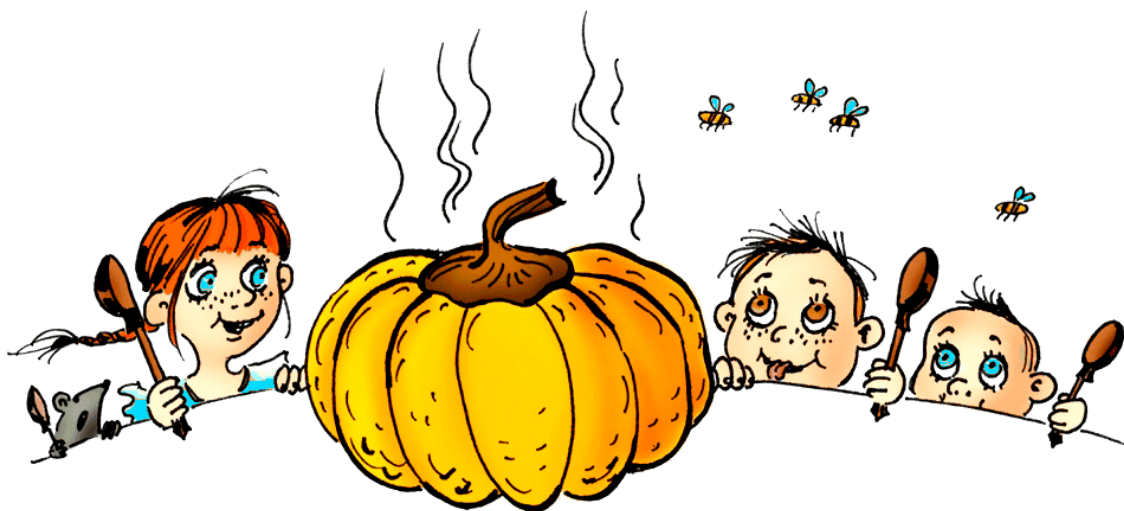
Конечно, по-настоящему, по-бабушкиному, пирогов не получится. Для этого нужно молоко от настоящей коровы, которая весь день гуляла на лугу. И свежие яйца от свободной, счастливой курицы, а не от той, что всю жизнь сидит в клетке. И мука из пшеницы, над которой сверкали хлебозоры. Хлебозоры – это такие яркие-яркие беззвучные грозы. Они сверкают над полями, когда созревает пшеница. Очень красиво. И настоящая печка нужна – никакая духовка с микроволновкой не могут заменить печку. Нужна бабушкина деревня, чтобы получились бабушкины пироги.

Пока мы стряпаем городской, упрощённый вариант бабушкиных пирогов, бабушка вот что рассказывает:

Про печку

Отгадай загадку: деревянный город, в деревянном городе глиняный город, а в глиняном городе серебро и золото. Это – печка в доме. Печка в доме – самое главное, потому что в ней огонь. Огонь – это и тепло, и еда, и свет. И чистота. Знаешь, как я мылась, когда маленькая была? В бане, конечно. Но дети часто вымазывались, а баню каждый день топить не будешь. И тогда нас – меня и братьев – мыли в печке, в большой шайке. Прогорят дрова, и долго-долго ещё в печи тепло держится; сидишь, как тыква, паришься. Тыква чем-то похожа на чупа-чупс, только намного больше и вкуснее. Брала её целиком – огромную, как мяч, на котором вы гимнастику делаете, – и сажали в тёплую печку. Она там долго томилась-парилась. Дети в это время ходили и принохивались – вкуснее только от свежего хлеба запах. Потом доставали – золотую, с корочкой хрустящей; корочку отламываешь, а под ней мякоть медовая, ближе к корке – совсем как мармелад. Берёшь ложку и аккуратненько черпаешь.

Любили мы на печи играть. Но когда хлеб пекли, нельзя было на неё забираться. А то хлеб плохо поднимался. И вообще баловаться нельзя, шуметь, если тесто в доме. Пока каравай в печи, в доме обязательно должен кто-то оставаться, караулить, иначе хлеб обидится, что его одного бросили. Когда каравай доставали, взамен обязательно полено в топку клали, чтобы печь не голодала. К хлебу как к живому относились – знали, сколько в него труда вложено. «Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова», – говорила моя мама Катя. А бабушка Поля, тесто замешивая, шептала: «Ладно, усладно жить богато, творите славно долю, Боже, дарь¹ хлеба и соли».

В магазин хлеб привозили два раза в неделю, и было его очень мало, поэтому все сами пекли. Но если вдруг дома хлеб заканчивался, меня мама с утра в магазин отправляла. Приду, а там старухи уже очередь заняли, и первая – бабка Макрида. Давали по две булки в руки. Если семья большая, то по три. Денег было только на хлеб. Да если бы и больше давали, покупать особо нечего. На весь магазин один сорт конфет – карамельки без обёртки разноцветные. Жвачка? Что ты, какая жвачка... Стой-ка, а ведь была у нас жвачка! Мне папка из леса живицу привозил, смолу лиственничную. Мы эту смолу серой называли. Душистая, вкус горьковатый, но приятный. Эта смолка – она микробов убивает. Мама моя ни разу в жизни зубы не чистила,

¹ Дарь – дай.

а про кариес и не слыхала. Война, есть нечего, ни щёток, ни пасты зубной – а зубы здоровые. Потому что живицу жевали.

Однажды поехали мы за дровами для печки. Папка лошадку запряг в сани, и мы в рощу отправились, на берег реки. Я в семье старшая, вместе со взрослыми всё делала. Папа рубил, мама связывала, а я бегала, в сани таскала. По кустам бежать с вязанкой неудобно, решила по речке, чтобы побыстрее. А река у нас, сама знаешь, хитрая: где промерзает чуть не до дна, а где только сверху ледок. Мне-то не видно, толстый там лёд или нет, – наступила и провалилась. Хорошо, не очень глубоко. Папа меня вытащил, бегом к саням, полушубком укрыл и скорее домой.

– Воробьи торопились, да маленькими уродились! – ворчит на меня мама: дров-то мало набрали.

А папка подбадривает:

– Не бо-ось!

Дома – бегом-бегом – на печку греться. Потому что печка – это ещё и лучшее лекарство. У кого печь правильно сложена, там простуды не знали. Кости греть старики всегда на печь забирались. Мой дед, мамин папа, на голбце лежал. Болел, почти не двигался. А рядом с ним прут – длинная ветка. Если я вдруг громко запою или пробегу мимо, он прут схватит и мне по ногам, чтобы не мешала ему, не баловалась. Когда его хоронили, я этот прут взяла и тоже похоронила, закопала за баней. Но даже после этого мимо печки старалась тихо ходить, всё мне казалось – дед с прутом лежит.

У нас в деревне бабушка жила одинокая, Макридой звали. Та самая, что в магазине всегда первая. Говорили, что Макрида могла ребёнка в печке перепечь. Да не испечь, она же не Баба-Яга, а перепечь.

Родился у меня брат. А у меня уже два брата было, я сестру хотела. Как-то ушла мама на речку бельё полоскать, и братья с ней – санки с бельём катить. Осталась я с Колей одна. Пойду, думаю, к бабке Макриде, пусть она нам из мальчика девочку испечёт. Папка сразу не заметит, а когда заметит, мы с сестрой сошьём ему рубаху, он и не станет ругаться. Он вообще у нас мало ругался, зато смеялся много, за это его в деревне любили и звали Весёлый Ганс, хотя у него совсем другое имя было. А мама Катя строгая была, шутить не любила. Но я подумала, что она, может, даже обрадуется, если у нас ещё девочка будет.

Бабка Макрида жила на самом краю деревни, у кладбища, под горой. Завернула я Колю в одеялко – тяжело, а других санок нету. Выкатила из сарая кошёвку. Видела, в каких санях Дед Мороз ездит? Вот это кошева и есть. Старое слово, теперь его и не услышишь. Кошем обоз называли, а ещё – поселение; человека же, в нём главного, звали кошевой. На санях дрова возили, сено, а в кошеве – пассажиров. Настоящая, узорчатая, только маленькая, для ребёнка, была у нас кошева. Сделал её мой лёлка – дядя Костя Кашеев. Он кузнецом в деревне был. Лёлка – значит крёстный. Церкви-то в деревне не было, её в 1918 году сожгли, а крёстных по старой привычке выбирали и роднились между собой. Вместо попа у нас была бабка Макрида: придёт, молитву прочитает, у тёплой печки в таз с водой макнёт, мазнёт сажей – вот и покрестили. Главное, чтобы об этом Сомов, председатель колхоза, не узнал, – запрещено это было. И крестики никто не носил. Мы носили галстуки красные. Красные как кровь – в память о погибших бойцах.

Положила я Колю, как барина, в кошёвку, сунула ему в рот пожёванный пряник в марлечке и повезла к бабке Макриде.

У бабки Макриды домик малюсенький. Одна комната – и ту до половины печка занимает. Дом старый, крыша деревянная, на ней даже трава росла – полынь. Полынь на бабку Макриду очень похожа: длинная, сухая, торчит сквозь снег.

Затащила я Колю в комнатку, а там никого. Только печка гудит – словно плачет кто. Позвала бабушку, а в ответ:

– Га-га-га!

Из-под лавки вылезает гусыня и как зашипит, как бросится на меня. Схватила я брата и бегом домой. А ведь у нас тоже гусыня под кроватью сидела. Когда на улице и в сарае холодно, гусей пускали в дом птенцов высидывать. Чтобы яйца не замёрзли. А у бабки Макриды – все знали – гусей нет. Откуда эта взялась, до сих пор не знаю. Так и остался твой двоюродный дед дедом Колей. А то ведь мог бабой Олей стать...

После уж я узнала, как бабушка Макрида детей перепекала. Она их так лечила. Если ребёнок родился больной, значит, он в утробе материнской «недопёкся»; бабушка его в печке допекала. Заворачивала в пелёнку покрепче, лицо закрывала блином и в тёплую печь на лопате засовывала. «Кого печёшь?» – спрашивала в это время мать. «Собачью старость...» – отвечала бабка Макрида. Блин бросали собаке, и дитя после этого поправлялось. А я, видишь, думала, она из одного человечка может другого спечь!

Бабка Макрида и за попу, и за ведьму, и за доктора в деревне была. Чуть что случится – бегом за ней. Она со своим лекарством – травами, водой, печной золою – как скорая помощь примчится. До больницы далеко, пятьдесят километров. На лошади за день не доберёшься. А зимой и на машине пути нет – дороги перемело, не проехать. По пять часов в деревне ждать не могли. Особенно если кто угорит. Эта беда от печки нередко случалась. Прикроешь задвижку раньше времени, чтобы тепло из печи не ушло, – угар вместо трубы в избу идёт. От него человек засыпает и, если не спохватиться, дышать перестаёт. Нужно скорее на улицу вынести, водой отлить. Поливает бабка Макрида, а сама домового ругает: недоглядел. Она одна в деревне в домовых да леших верила. Никто этой нечисти не боялся, даже дети. Война ведь недавно была. Кто войну застал, того ничем не испугаешь. Мы хоть фашистов и не видели, но тоже людей пуще чёрта боялись. Цыган, например. Они к деревне табором подходили и могли детей с собой забрать, из дома увезти. Велено было: как цыгане на улице появились – бегом на печку. Боялись сильно сибулонцев. Это кто из сибирской тюрьмы сбежал. Они прятались в лесу или в пещерах на горе и могли ограбить, а то и убить. Если нет у человека своего угла с печкой, любой ветер его по земле носит, как мусор какой, – от такого добра не жди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.